

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> УДК 94=161.1(045)"0/2"(47+57)
EDN: KPJRUC

**КРЫМСКИЙ ИМПЕРСКИЙ «ПРОЕКТ» В 1-Й ТРЕТИ XVI В.:
«ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ» ОТКРЫВАЕТСЯ И ЗАКРЫВАЕТСЯ***

В.В. Пенской ✉, **Т.М. Пенская**

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
✉ penskoy@bsu.edu.ru*

Резюме. Цель исследования: проанализировать развитие политических отношений в Восточной Европе на протяжении XVI в., выявить и охарактеризовать основные особенности и наиболее примечательные черты эволюции восточноевропейской политической системы в это время, обозначить главные тенденции и периоды в этом процессе и факторы, которые определили его ход и направление.

Материалы исследования: сообщения летописей, дипломатической документации (прежде всего посольских книг и переписки), актовых материалов и интерпретации, содержащихся в исторических исследованиях.

Результаты и научная новизна исследования: в отечественной историографии традиционно принято рассматривать межгосударственные отношения в Восточной Европе в «долгий XVI век» преимущественно в парах Москва-Бахчисарай, Москва-Вильно и Вильно-Бахчисарай. Лишь изредка эти отношения представлены в виде системы. Однако изучение этих отношений именно как целостной политической системы, как своего рода «Большой игры», позволяет взглянуть на эти события под иным ракурсом. В этой «игре» каждый из ее участников этого «трио» стремился реализовать обращенные в прошлое имперские проекты. Бахчисарай хотел восстановить под своей эгидой ордынскую империю, Москва стремилась вернуть себе «наследие Ярослава Мудрого», Литва же – сохранить то, что осталось от «наследства Витовта».

Анализ документов и материалов позволяет утверждать – в своем развитии эта «Большая игра» прошла три этапа: 2-я пол. 1500-х – 1523 гг.; конец 30-х – нач. 50-х гг. и 2-я пол. 50-х – конец 70-х гг. XVI в. Такое ее деление определяется «окнами возможностей», которые открывались перед Бахчисараем на пути к реализации его имперского замысла. Почему именно Крым берется за точку отсчета – авторы исходят из того, что в случае его успеха политическая ситуация в регионе радикальным образом переменялась бы, поскольку универсалистские претензии крымских «царей»

* Данная статья является продолжением предыдущей, образующих цикл, посвященный эволюции политических отношений в Восточной Европе в позднем Средневековье и раннем Новом времени. См.: Пенской В.В., Пенская Т.М. Постордынский мир и союз Ивана III И Менгли-Гирея I: попытка создания «биполярной» политической системы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 868–898. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898>

© Пенской В.В., Пенская Т.М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

не оставляли места для сохранения сколько-нибудь значимой политической субъектности двух других участников «трио». Но реализация крымского имперского замысла встретила сопротивление Москвы, желавшей воплотить в жизнь свой аналогичный проект. На 1506–1523 гг. приходится 1-й раунд этого противостояния, о котором и пойдет речь в этой статье. В эти годы крымские Гирей вплотную подошли к своей мечте, но имперский груз оказался непомерно велик для них. Первая попытка взять этот вес закончилась крахом и временным выбытием Крымского ханства из числа активных участников «Большой Игры» в Восточной Европе.

Ключевые слова: раннее Новое время, «долгий XVI век», Восточная Европа, межгосударственные отношения, политические системы, внешняя политика, дипломатия, война, Крымское ханство, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. Крымский имперский «проект» в 1-й трети XVI в.: «окно возможностей» открывается и закрывается // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 414–434. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> EDN: KPJRUQ

CRIMEAN IMPERIAL "PROJECT"
IN THE 1st THIRD OF THE 16th CENTURY:
A "WINDOW OF OPPORTUNITY" OPEN AND CLOSE*

V.V. Penskoу ✉, T.M. Penskaya

Belgorod National Research University

Belgorod, Russian Federation

✉ penskoу@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the study: To analyze the development of political relations in Eastern Europe during the 16th century, to identify and characterize the main and most notable features of the evolution of the Eastern European political system at that time, to identify the main trends and periods in this process and the factors that determined its course and direction.

Research materials: The messages from chronicles, diplomatic documentation (primarily embassy books and correspondence), historical materials, and interpretations contained in historical research.

Results and scientific novelty of the study: In domestic historiography, it is traditional to consider interstate relations in Eastern Europe in the "long 16th century" mainly in pairs Moscow-Bakhchisaray, Moscow-Vilno, and Vilno-Bakhchisaray. Only rarely are these relationships presented as a system. However, studying these relations precisely as an integral political system, as a kind of "Great Game," allows us to look at these events from a different perspective. In this "game", each of its participants in this "trio" sought to implement imperial projects facing the past. Bakhchisarai wanted to restore the Horde empire

* This paper is a continuation of the previous one, forming a cycle dedicated to the evolution of political relations in Eastern Europe in the late Middle Ages and early Modern times. See: Penskoу V.V., Penskaya T.M. The post-Horde world and the union of Ivan III and Mengli-Girey I: An attempt to create a "bipolar" political system. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 4, pp. 868–898. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-4.868-898> (In Russian)

under its auspices, Moscow sought to regain the “legacy of Yaroslav the Wise,” and Lithuania wanted to preserve what was left of the “legacy of Vytautas.”

Analysis of documents and materials allows us to assert that in its development, this “Great Game” went through three stages: first half of the 1500s to 1523; late 1530s to early 1550s; and second half of 1550s to the late 1570s. This division is determined by the “windows of opportunity” that opened up for Bakhchisarai on the way to realizing its imperial plan. Why is Crimea taken as a starting point? The authors proceed from the fact that if it was successful, the political situation in the region would radically change since the universalist claims of the Crimean “kings” did not leave room for preserving any significant political subjectivity of the other two members of the “trio.” But the implementation of the Crimean imperial plan met with resistance from Moscow which wanted to implement its own similar project. For 1506–1523, this is the first round of this confrontation, which will be discussed in this article. During these years, the Crimean Gireys came close to their dream, but the imperial burden turned out to be prohibitively large for them. The first attempt to take on this weight ended in collapse and the temporary withdrawal of the Crimean Khanate from among the active participants in the “Great Game” in Eastern Europe.

Keywords: early Modern times, “long 16th century”, Eastern Europe, interstate relations, political systems, foreign policy, diplomacy, war, Crimean Khanate, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow

For citation: Penskoj V.V., Penskaya T.M. Crimean imperial “Project” in the 1st third of the 16th century: a “window of opportunity” opened and closed. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 414–434. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> (In Russian)

«Долгий XVI век», который Р. Маккенни назвал веком экспансии [см.: 54], в Европе стал временем формирования раннемодерных государств. Это стремление к экспансии в сочетании с характерной для той эпохи стратегией «собира- ния» земель под единой властью породили феномен «великих лоскутных империй» (по меткому замечанию П. Шоню [49, p 18]) или, как предложили Х. Кеннигсбергер и Дж. Эллиот. «составных» («composite») монархий [50, p. 48–71; 51, p. 191–217]. На западе и в центре Европы такими могли считаться империя Габсбургов, на юге – Османское государство, а вот на востоке на имперский статус претендовали три государства – Крымское ханство, Русское государство и Великое княжество Литовское.

Борьба трех восточноевропейских имперских проектов красной нитью проходит через все столетие, образуя смысловой контур «Большой игры» в регионе. Последняя с началом XVI в. обрела новое звучание, ибо распад Большой Орды запустил процесс реформирования местного политического ландшафта. С исчезновением с политической карты региона этого татарского юрта, претендовавшего на единоличное владение золотоордынским наследством, постордынский «биполярный» «мир» прекратил свое существование и региональный «квартет» стал «трио».

Статус его участников к началу XVI столетия существенно изменился. В самом сложном положении оказалось Великое княжество Литовское. Ранее претендовавшее на господство в Восточной Европе, теперь именно оно могло считаться слабым звеном в региональной политической системе. Литва так и не смогла оправиться от последствий великой смуты, наступившей после смерти великого князя Витовта. В ходе этой усобицы четко обозначился вектор на децентрализацию политической системы Литвы, который возобладал над своей противоположностью, и это стало началом заката великого княжества. События

конца XV – начала XVI вв. показали, что литовское великодержавие ушло в прошлое. Увлечшись планами расширения сферы влияния в центральной и юго-восточной Европе, Вильно не сумело отреагировать на быстрое усиление Москвы при Иване III. К концу XV в. Литва отказалась от экспансии на востоке и ушла в оборону. Иван III воспользовался этим шансом и в ходе войн 1486–1494 и 1500–1503 гг. принудил Литву отказаться от ряда важных земель на русско-литовском пограничье. Гром русских пушек под Смоленском в 1502 г. обозначил следующую цель московской экспансии на литовской «украине».

Следствием этих неудач стало осознание литовской правящей элитой печального факта, что в противостоянии один на один с Москвой, опиравшейся на Крым, у Великого княжества Литовского нет шансов даже на сохранение остатков прежнего имперского величия, не говоря уже о реванше. Чтобы сохранить «наследства Витовта», нужна была реальная сила, тем более что в споре за доминирование в Восточной Европе только Литва ссылалась не на «старину», а на Божью волю и право меча ([13, с. 51]). Однако к началу XVI в. стало ясно, что Божья воля не на стороне литовцев, а литовский меч изрядно затупился. Литве позарез нужен был союзник, поддержка которого могла бы изменить неблагоприятный для Ягеллонов ход событий. Поэтому поворот Великого княжества Литовского в сторону Крыма, с учетом старых связей между двумя домами, был неизбежен. Однако здесь был один небольшой, но очень важный нюанс. Вильно, в отличие от прежних времен, теперь выступал в роли просителя, который должен был принять условия «любви и приязни», предлагаемые Бахчисараем. Это означало, что Литва формально должна была признать свое зависимое от Крыма положение.

Такой поворот событий не радовал литовский «политикум», однако альтернативы союзу с Крымом у Вильно не было. Понимая это, литовская правящая элита, идя на союз с Крымом, постаралась минимизировать негативные последствия этого поворота. В отношениях с Крымом Сигизмунд I и его преемник Сигизмунд II продолжили ту политику, которую проводили Казимир IV и его сын Александр в отношении к Большой Орде – много обещая и мало делая, держа при этом камень за пазухой в лице заключенного в золотую клетку Шейх-Ахмеда с его мечтой о реванше за поражение в 1502 г. Впрочем, для крымских царей эта нехитрая интрига не была секретом, и они, не торопясь идти навстречу пожеланиям своих литовских «партнеров», желали использовать этот союз в своих интересах – в том числе как инструмент давления на Москву.

Иначе развивались отношения между бывшими союзниками – Русским государством и Крымом. В отличие от дряхлевшей Литвы они были полны оптимизма и считали внешнюю экспансию оптимальным сценарием для своей внешнеполитической активности. В этом своем стремлении и Москва, и Бахчисарай апеллировали к «старине». Вот только точка отсчета у каждого была своя.

Московская «старина» корнями своими уходила в далекое домонгольское прошлое, в эпоху расцвета старой Руси [см., например: 39, с. 116–117]. Однако московские претензии на «наследие Ярослава Мудрого» были не программно-максимум, но «многошумящей» декларацией о намерениях. Московские государи были трезвомыслящими реалистами и, исходя из того, что политика есть искусство возможного, предпочитали синицу в руках журавлю в небе. Отсюда и соответствующая тактика на переговорах – сперва взвинтить ставки до небес, выдвинув заведомо неприемлемые требования, а затем, постепенно сбавляя запросы, получить искомое. Но это не значило, что в Москве готовы упустить появившийся шанс реализовать свой имперский проект. Сложившийся в 70-х гг. XV в. русско-крымский союз позволил Москве серьезно нарастить свое влияние в регионе. Из

ордынского улусника московский государь к началу XVI в. превратился в повелителя могущественной державы, на равных разговаривавшего с самим «Великим Турком» и императором Священной Римской империи. Больше того, переиграв своего литовского визави в новгородской и в тверской «партиях», великий князь Иван III со 2-й половины 80-х гг. XV в. перешел к экспансии на западном направлении. Две успешных войны Русского государства с Великим княжеством Литовским наглядно показали рост московской мощи и упадок литовской. На волне этих успехов Иван III на переговорах в 1504 г. устами своих дипломатов заявил – вечному миру не быть, пока под властью Ягеллонов остается «вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные городы», которые «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина» [25, с. 460]. Тем самым были обозначены горизонты московского внешнеполитического планирования, и сомневаться в том, что Москва будет настойчиво двигаться к этой цели, не приходилось – упорство в реализации заявленных планов было фамильной чертой Калитичей.

Но реализация столь масштабного политического проекта неизбежно должна была встретиться с большими проблемами, если бы татарские юрты заняли антимосковскую позицию. В Москве понимали, что воевать с Литвой, имея врагов на юге и востоке, невозможно. Не случайно в 1574 г. в ответ на предложения крымского «царя» передать ему Казань и Астрахань Иван Грозный ответил отказом, ибо «ныне одна сабля – Крым, а тогда другая сабля будет Казаньская земля, третья сабля – Астороханьская, четвертая Нагаи. А толко Литва не помирится, – ино пятая сабля будет» [30, с. 151]. Для успешной борьбы с Литвой Москва нуждалась в татарском нейтралитете, а лучше – в сохранении союза с Крымом как с сильнейшим татарским юртом.

Усиление татарских юртов, в особенности Крыма, было не на руку Москве – там не забыли о временах, когда русские князья ездили в Орду на поклон с богатыми дарами. Добиваться своих целей, имея «партнерами» слабых татарских династов, было не в пример выгоднее. Отсюда и двойственная политика Москвы по отношению к татарам. Калитичи стремились не допустить их объединения под единой властью, играя на противоречиях между татарскими элитами и пуская без лишних эмоций в ход *ultima ratio regum*. При этом в русской столице демонстрировали свою готовность заключить союз с татарами, но на определенных условиях. Грань, через которую в Москве не могли переступить ни при каких условиях – это включение в текст соглашения с татарами положений, которые можно было истолковать как признание ее вассального статуса. Это неизбежно вело к трениям в отношениях между русскими и татарами.

Однако главной проблемой, с которой столкнулся Василий III в своей татарской политике, было то, что после распада Большой Орды необходимость в союзе с Москвой для татарских юртов перестала быть насущной необходимостью. Особенно это касалось Крыма, которому альянс с Русью был необходим как противовес Орде. После же 1502 г., когда имперские регалии буквально валялись в степной траве, этот союз только мешал Гиреям подобрать их. Примерив их на себя, они нашли, что они им впору, на что давно обратили внимание историки [см., например: 48, с. 162–163], а «дружба» с Москвой могла быть отставлена в сторону за ненадобностью.

Однако заявку на имперский статус надо было подкрепить реальной силой, а вот с этим в начале XVI в. у Крыма было туго. Его ресурсов, даже с учетом перекочевки в подвластные таврические степи многих улусов бывшей Большой Орды, было недостаточно. В условиях «пороховой» революции в военном деле, когда на авансцену выступали качественные характеристики военной мощи государства

[см., например: 28; 55; 56; 59], диспаритет с Москвой и Вильно мог иметь для Крыма фатальные последствия. Только опираясь на совокупный потенциал всех татарских юртов, Гирей могли рассчитывать на восстановление «ордынского мира», а заодно и на избавление от тягостной зависимости от Стамбула.

В самом деле, если добавить к 250 тыс. «переписанной» крымской рати еще 380 тыс. «писмянной» ногайской рати ([24, с. 70; 32, с. 73]), то что могли противопоставить такому воистину тьмочисленному (хоть и на бумаге) воинству русский или литовский монархи? И хотя очевидно, что это сильно завышенные (в эпоху наивысшего подъема крымской военной мощи при Девлет-Гирее I хан мог выставить в поле максимум 40–50 тыс. воинов [см.: 26, с. 234]), все равно Крымское ханство, добившись доминирования на постордынском пространстве, автоматически превращалось в политического тяжеловеса.

Но своими силами решить этот вопрос Крым в начале XVI столетия не мог. С одной стороны, препятствием был общий настрой правящих кругов в других юртах. Испытывая определенные чувства родства и близости интересов, они не были готовы снова стать обычными улусниками великого хана. С другой стороны, еще меньше радости от перспективы снова, как и полтора столетия назад, кланяться ордынскому «царю», униженно испрашивать у него ярлык на правление, сопровождая этот шаг питьем «черного кумыса», богатыми подарками и регулярной выплатой «выхода», испытывали в Москве и в Вильно. Но, не заручившись хотя бы их нейтралитетом, рассчитывать на подчинение татарских юртов было нельзя – правители последних, стремясь сохранить свою независимость, могли обратиться за помощью и к русскими к литовцам.

В этих условиях собрать под свою руку все татарские земли и установить пусть номинальное, но господство над Русью и Литвой было нетривиальной задачей, требовавшей немалого искусства, трезвой оценки политических перспектив и баланса сил. Создание условий для претворения в жизнь идеи *Renovatio Imperii Tartarorum* стало основным содержанием внешней политики Крыма на протяжении большей части XVI в. Под эту задачу крымской правящей элитой отработывался и соответствующий инструментарий – в том числе и военный (согласно максиме К. фон Клаузевица: «Война есть ... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами» [12, с. 47]).

Важнейшим его элементом стал «крымский аукцион» (С.М. Соловьев). Открывая его, в Крыму рассчитывали столкнуть Москву и Вильно и попеременно обнадеживая их политическими авансами, вынудить повышать ставки на нем. При этом крымцы хотели сохранить свободу рук и занять выгодную во всех отношениях позицию «третьего радующегося» и верховного арбитра в «Большой игре».

Работа «аукциона» позволяла правящей элите Крыма решить и еще один вопрос. Речь идет о т.н. «поминках», дискуссия о сути которых идет давно и далека от завершения [см., например: 45, с. 49–55; 48, с. 225–271]. Пытаясь ответить на вопрос о причинах этой незавершенности, Р.Ю. Почекаев справедливо отмечал, что позиция историков в этом вопросе во многом определяется «национальным» «дискурсом» [35, с. 200–203]. Не претендуя на окончательное решение проблемы, отметим, что, на наш взгляд, истина лежит посередине. В Москве и в Вильно «поминки» рассматривалась как стимул к установлению и продолжению «братских» отношений; как плата за мир и как «жалованье» татарским элитам за службу ([см., например: 23, с. 40]. Когда Иван Грозный писал своему «брату» Девлет-Гирею, что он «дружбы у царя (крымского хана – **В.П., Т.П.**) не выкупает, а похочет с ним царь мириться по любви, и царь и великий князь (Иван – **В.П., Т.П.**) с ним миру хочет по прежним обычаем...» [18, с. 24], он лишь продолжал линию своего деда.

Так, отказ Ивана III под благовидным предлогом ([23, с. 306]) выплачивать т.н. одоевскую «пошлину» [см.: 1, с. 234–235] был логичным шагом – подарки и жалование он был готов посылать, но превращать их в регулярную дань-выход – нет. У Ягеллонов пространство для маневра было уже, но и они пыгались действовать в том же духе, обставляя отсылку даров условиями, которые должны были направить помыслы татарской элиты в нужном для Литвы русле.

Иначе смотрели на «поминки» в Крыму и в других юртах. Регулярная отправка всякой «казны» означала формальное признание отправляющей стороной своего приниженного положения. Поэтому «поминкам» в имперских планах Бахчисарая отводилось далеко не самое последнее место – даже в конце XVII в. он не отказывался от своих претензий [см., например: 41, с. 22].

Но не только соображениями политического престижа объяснялась настойчивость, с которой крымские «цари» требовали от своих «братьев» «поминков». Способность хана истребовать «казну» немало значила для сохранения политической стабильности в Крыму, которая во многом поддерживалась через механизмы «престижной экономики» и «экономики дара». На это обстоятельство указывал Н.Н Крадин, характеризую особенности функционирования политической системы в кочевой «империи» хунну. Неспособность поддерживать реципрокные связи могла привести к отказу в лояльности со стороны улусной аристократии и «подданных» и их откочевке (примером может служить судьба Ногайской Орды при бие Исмаиле в 50-х – нач. 60-х гг. XVI вв.) [14, с. 182–183, 187].

Борьба вокруг «поминков» имела и еще один аспект. «Для простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободного скотовода существование, а для обедневших – достичь его», почему «именно рядовые номады часто являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов», – отмечал Н.Н. Крадин [15, с. 125]. Характерный пример – в 1565 г. именно под давлением «земли со всем войском» хан Девлет-Гирей I и его сыновья были вынуждены отказаться от планов повернуть назад из набега на Русское государство, несмотря на выгодные московские предложения [см.: 4, с. 56]. Можно вести речь о наличии у определенной части татарского общества, прежде всего аристократической элиты и ее ближнего окружения, «героического» варварского этоса, описанного Тацитом в его «Германии» (*Tac. Germ. 14*): В Крыму и в других татарских юртах рассматривали набеги как законную возможность взять то, что принадлежало им по праву. Поэтому татары были скоры на подъем и готовы к набегам на соседей.

Однако времена, когда татарская конница господствовала на полях сражений, прошли. С началом «пороховой» революции ее столкновения с армиями Великого княжества Литовского и Русского государства все чаще заканчивались не в пользу татар. Риск пойти по шерсть, а вернуться стрижеными возрастал, а, следовательно, росло и стремление крымской правящей элиты гарантированно получать доходы через «аукцион», добываясь регулярной выплаты «поминков» в обмен на обещания «братства» и прекращения набегов. Как писал Девлет-Гирей Ивану Грозному, пытаясь выторговать у последнего Астрахань, «и толко деи царь и великий князь даст Асторохань, и яз и до смерти на цареви и великого князя земли ходити не стану. А голоден не буду: по левую деи мне сторону – Литовьской, а з другую сторону – черкасы, и яз деи стану тех воевати. Тамо деи яз и сытее того буду...» [30, с. 146].

В этих условиях и набеги, и угроза их осуществления уже не были самоцелью, став инструментом дипломатического торга и давления на «партнеров» («яз

с тобою, братом своим, временем бранилися, а временем и мирились» [31, с. 184]) – война или отражение набега обходились намного дороже, чем «поминки» (на что указывал, к примеру, Сахиб-Гирей I в послании к юному Ивану IV [см.: 46, с. 238–239]). Захваченные же в случае удачи ясырь и дуван были приятным бонусом, но не основой экономики Крымского ханства – слишком шаткой становилась она в изменившихся условиях.

Стоит ли после всего этого удивляться тому, что крымский «царь» мог отписать, как это сделал Менгли-Гирей в 1506 г., своему литовскому «брату», что хотя он со своими детьми, братьей и «князьями» и присягнули своему «брату» воевать с общими недругами, но это вовсе не отменяет присылки «поминок» как условия завершения процедуры шертования [53, р. 52, 54]. Иначе, сообщал Менгли-Гирей Сигизмунду I, ему не сдержать своих людей, когда те решат искать себе «поживенья» [53, р. 53]. Намек на последнее был более чем прозрачным, если вспомнить о том, что летом того же 1506 г. 8-тыс отряд крымских татар под началом «царевичей» Бурнаш-Гирея и Баба-Гирея совершил рейд по владениям литовского князя [см., например: 57, s. 112–120]. При этом крымский «царь» не обязательно мог выступать организатором «поживенья» – в случае чего он мог закрыть глаза на инициативу со стороны отдельных татарских warlord'ов, заявив, что набег был предпринят против его воли. Такая «гибридная» война позволяла ханам, сохраняя лицо, вместе с тем продолжать требовать от Москвы или Вильно новых уступок и присылки «казны» для «насыщения» и умиротворения своих подданных.

Вот так, комбинируя дипломатию и военно-силовое давление, Бахчисарай приступил, как только в 1502 г. открылось окно возможностей, к построению своей империи. Запустил этот процесс Менгли-Гирей I. Характеризуя его как политика, А.В. Виноградов писал, что хан «ясно осознавал стоявшие перед Крымом внешнеполитические задачи, лично участвовал во всех важных дипломатических переговорах, возглавлял ответственные военные экспедиции», и в годы его долгого правления «были заложены основы крымской политики, осуществлявшейся на протяжении большей части XVI в.». Поэтому его можно назвать основателем крымского могущества [3, с. 60].

Первый осторожный шаг к закреплению за Крымом нового статуса был сделан осенью 1502 г., когда хан сообщил Ивану III, что он «отца своего цареву Орду достал еси (выделено нами – **В.П., Т.П.**)...» [23, с. 444]. Те же самые слова прозвучали тогда же в «слове» Менгли-Гирея, адресованном киевскому воеводе князю Д. Путятичу [52, р. 181]. В 1505 г. за первым шагом последовал второй – вассал Ивана III казанский хан Мухаммед-Эмин, узнав о том, что его сюзерен при смерти, решил освободиться от русского протектората. Понимая, что ресурсов его «царства» явно недостаточно для противостояния Москве, Мухаммед-Эмин обратился с предложением к Сигизмунду I и Менгли-Гирею I объединить усилия в борьбе против «московского» [27].

Предложение казанца было с пониманием встречено и в Крыму, и в Литве. Литовские паны рады и великий князь литовский увидели в этой идее шанс взять реванш. Отсюда и та энергия, с которой они принялись за сколачивание антимосковского союза – вплоть до попыток привлечь на свою сторону Ливонскую «конфедерацию».

Правда, четверной союз так и не состоялся. Сигизмунд I не сумел добиться от потенциальных партнеров по этому альянсу исполнения пожелания выступить против «московского». Ливонский магистр В. фон Плеттенберг под благовидным предлогом отказался от участия в альянсе [53, р. 85, 86]. Мухаммед-Эмин же ис-

пользовал переговоры с Вильно и с Бахчисараем как элемент торга с Москвой, и, добившись желаемого результата, охладел к этой идее.

Менгли-Гирей же употребил обращение казанца для того, чтобы публично заявить о своих имперских амбициях. В июле 1506 г. в ханском послании к великому литовскому князю и королю польскому Александру прозвучал словооборот «Великое Орды от великого царя» [53, р. 51]. Это титулование было использовано в ответных литовских посланиях, да и казанский «царь» в грамоте Александру также именовал крымского «брата» «великим царем», признавая тем самым его превосходство над собой [53, р. 56, 59].

Недолго ждала своей очереди и Москва. В декабре 1506 г. Сигизмунду I от имени Менгли-Гирея было заявлено, что князь великий московский Василий «наш холоп» [53, р. 55]. Подобную риторику ранее использовал Шейх-Ахмед, именуя Ивана III и тверского князя Михаила Борисовича своими холопами [52, р. 172, 173, 174, 179], теперь к ней прибег Менгли-Гирей, заявив о желании пересмотреть свои отношения с Москвой. Отношения между государствами в ту эпоху в значительной степени носили личный характер, и когда не стало Ивана III, с которым хана связывали многолетние отношения «братства», крымский «царь» не преминул «отредактировать» свои отношения с Москвой.

Продолжая гнуть свою линию, в том же году Менгли-Гирей выдал Сигизмунду царский ярлык. Жалую своего «брата» множеством городов «со всьими ихъ выходы и данми, и з землями и водами» (в.т.ч. Псков, Новгород и Рязань), «царь» приказывал тамошним обывателям и элите служить великому князю литовскому также, как их предки служили ранее великому князю Витовту [53, р. 90]. Предпринял хан и конкретные шаги, подтверждающие его намерения – 3 июля 1507 г. он писал своему «брату», что он против московского послал своего сына Мухаммед-Гирея с большой ратью [53, р. 79]. То, что ханские слова не разошлись с делом, подтверждают русские летописи [см.: 18, с. 6].

Однако, задружившись с «литовским», Менгли-Гирей не торопился превращать войну с Москвой из «холодной» в «горячую» – стать орудием в руках Вильно в его планы не входило. Заключение союза с Сигизмундом и благожелательный отклик на предложение казанца стали для Менгли-Гирея инструментами давления на Василия III, в поддержании отношений с которым хан был заинтересован. С одной стороны, «царь» надеялся на возобновление отсылки к нему московских подарков и постоянных выплат, причитавшихся с Одоева и иных городов [24, с. 25, 29]. С другой стороны Менгли-Гирей нуждался в русской военной помощи в походе на Астрахань [24, с. 20–21, 25, 28, 29]. Не оставил в стороне крымский «царь» и казанский вопрос. В переписке с Василием он проявил заинтересованность в судьбе своего родственника, бывшего казанского «царя» Абд ал-Латифа б. Ибрагима [24, с. 21–22]. Желая видеть его при своем дворе, хан руководствовался тонким политическим расчетом – имея у себя бывшего казанского «царя», можно было попробовать заменить в Казани московское влияние крымским. Т.о., видимость сохранения хороших отношений с Москвой должна была способствовать выполнению далеко идущих замыслов Менгли-Гирея, а набеги или их угроза стали бы эффективным инструментом давления на Василия.

Итак, в начале XVI в. политический ландшафт в Восточной Европе изменяется, и при анализе ситуации складывается впечатление, что Крым владел инициативой и определял правила игры. В самом деле, в случае реализации крымского имперского проекта расстановка сил в регионе радикально менялась – подчинив себе все татарские юрты, Крым мог на равных разговаривать с Вильно и Москвой. Последние, занятые борьбой друг с другом, занимали в этом вопросе оборонительную

позицию. Не навязать крымскому «брату» свою волю, а помешать ему реализовать его планы – такой была их линия в отношениях с Бахчисараем.

Действия Москвы в этом плане наиболее примечательны. Столкнувшись с возникшей угрозой татарских набегов (после первого набега 1507 г. серия следующих состоялась в 1512 г. [18, с. 15]), в Москве озаботились укреплением крымской «украины». Начатый постройкой в 1509 г. деревянный кремль в Туле был к 1520 г. перестроен в каменный [см., например: 18, с. 36; 36, с. 250], а в 1513 г. в разрядной росписи впервые упоминается расстановке полков русской конницы «на берегу» – пока что Угры [см., например: 38, с. 129]. В последующие годы центр тяжести обороны «на берегу» смещается на Оку [см., например: 38, с. 158–159], в район Серпухова и Каширы [21, с. 64–66, 68; 37, с. 61–62, 64–65; 38, с. 162–163, 166, 167–168, 171–174].

Укрепление южных рубежей усиливало позиции Москвы в переговорах с Крымом и позволяло продолжить экспансию на западном направлении. Разрешив казанский кризис 1505–1506 гг., Василий III в 1507 г. возобновил наступление на Литву, а спустя пять лет, обвинив Сигизмунда I в том, что он настраивает крымского «царя» против Москвы [25, с. 499], объявил тому войну. Менгли-Гирей, выступив на стороне Сигизмунда, оказал тому медвежью услугу – воспользовавшись моментом, Василий III летом 1514 г., проявив недюжинное упорство, с третьего раза взял Смоленск.

После 1514 г. 1-я Смоленская война перешла в тягучую стадию обмена взаимными набегами. Позиция Крыма в этих условиях для «московского» и «литовского» приобретала особое значение – его выступление на той или другой стороне могло стать той соломинкой, которая переломит хребет верблюду. Это прекрасно понимали в Крыму и не торопились принимать чью-либо сторону. Конечно, усиление Москвы хану было не нужно, почему курс на стратегическое партнерство с Вильно сохранялся. Но и рвать отношения с Москвой он не торопился, рассчитывая использовать ее заинтересованность в возобновлении союза в своих целях.

Однако здесь нашла коса на камень. И.В. Зайцев, характеризуя взаимоотношения России и Крыма в эти годы, подчеркивал их двусмысленность – обе стороны стремились использовать «партнера» в своих интересах [8, с. 78, 82], не стесняясь при этом в выборе средств. Сменивший Менгли-Гирея его старший сын Мухаммед-Гирей I, ведя параллельно переговоры с Вильно и Москвой, поддерживал контакты с рязанским князем Иваном Ивановичем и не препятствовал своим мурзам организовывать набеги и на Русь, и на Литву. Василий же, пересылаясь с Ахмад-Гиреем, враждовавшим со своим братом Мухаммед-Гиреем, демонстративно показывал свое расположение касимовскому хану Шейх-Аулияру (племяннику хана Большой Орды Ахмеда), которого крымский хан считал своим личным врагом [см., например: 2, с. 250; 6, с. 305, 307; 10, с. 194–195, 208–209; 11, с. 118–120; 24, с. 527, 640; 42, с. 54–55], и укреплял свое влияние «в Ногаех».

Сложную игру вел и Сигизмунд I. Не имея возможности одолеть Василия III на поле боя, он сделал ставку на дипломатию и интриги. Еще в 1507 г. он отправил посольство к брату Василия III Юрию, удельному князю дмитровскому, и, именуя его своим «братом», предложил заключить союз против общих врагов [53, р. 109]. Как отреагировал Юрий на этот демарш – неизвестно, но точно известно, что в 1511 г. другой брат Василия, Семен, решился на побег в Литву [5, с. 302]. Поддерживал контакты Сигизмунд и с рязанским князем Иваном Ивановичем, который, желая освободиться от опеки со стороны Москвы, искал союза с Литвой и Крымом. При этом Сигизмунд, всячески демонстрируя настрой на сотрудничество с Крымом, держал камень за пазухой – «почетным» «гостем» у

него был бывший правитель Большой Орды Шейх-Ахмед [см., например: 7, с. 108–109]. Имея его под рукой (статус «царя»–«гостя» Вильно преднамеренно не обозначал), Сигизмунд использовал его как инструмент давления на Бахчисарай. Действительно, в Крыму были весьма обеспокоены одним только фактом пребывания Шейх-Ахмеда в Литве, не доверяя словам Сигизмунда и панов рады, что они не намерены отпускать Ахматовича в Степь [см., например: 29, с. 55]. Стремясь не допустить этого, крымский «царь» регулярно отправлял в Вильно своих посланцев с соответствующими требованиями [53, р. 52]. Не торопились в Вильно и с выплатой «поминков», отделяваясь щедрыми посулами, что также способствовало укреплению доверительных отношений между двумя дворами.

Итак, реконфигурация всей системы политических отношений в Восточной Европе не привела к ее упрощению, напротив, она еще более запуталась. Общая стратегия для всех участников «Большой игры» оставалась схожей. Каждая из сторон пыталась сохранить свободу рук, получить от «партнера» как можно больше и отдать как можно меньше. Решить множасьщиеся противоречия дипломатическим путем становилось все сложнее, и следовало ожидать, что кто-то из «большой тройки» попробует это сделать иным путем. И так как Москва и Вильно были заняты войной друг с другом, сделать это должен был Бахчисарай.

Развязка произошла в 1519 г. Трудные переговоры, продолжавшиеся между Москвой и Бахчисараем о возобновлении союза, завершились шертованием Мухаммед-Гирея. Условия этого договора, как отмечала А.Л. Хорошкевич, легли в основу будущих русско-крымских отношений [48, с. 194]. Идя на уступки Москве, хан снял (на время) предложение о совместной астраханской экспедиции и предложил Василию поучаствовать в походе на Киев, полагая его частью своего улуса [24, с. 514–515; 48, с. 183–184]. Больше того, Мухаммед-Гирей в том же 1519 г. послал своего сына и наследника-калгу Бахадыр-Гирея со многой ратью на Сигизмунда I [18, с. 33]. Поход был успешен, татары опустошили Белзское, Люблинское и Хелминское воеводства и в битве под Сокалем разгромили польско-литовское войско под началом кн. К.И. Острожского [19, с. 66–67; 23, с. 547–548, 666; 18, с. 268; 36, с. 33–34].

Возможно, этот поворот был связан с тем, что Мухаммед-Гирей не хотел преждевременно рвать отношения с Москвой, враждующими со стоявшими за спиной Ахмед-Гирея могущественными крымскими «князьями»–Ширинами, [17, с. 14; 40, с. 28–34]. Однако ни ханская шерть, ни согласие Мухаммед-Гирея на сохранение Казани в орбите московского влияния, ни отправка наследника-калги в поход на Литву – ничто не могло заставить Василия III пойти навстречу хану, пусть даже в астраханском вопросе. Усиление Крыма не входило в планы великого князя, и он, на словах изъявляя готовность удовлетворить пожелания своего «брата», на деле не спешил выполнять свои обещания. Рано или поздно это должно было оказать негативное влияние на русско-крымские отношения.

Еще одним фактором, добавлявшим неопределенности в судьбу русско-крымского союза, была расстановка сил при ханском дворе. Играя в ее настройку, Вильно оказался более успешным, нежели Москва. Влиятельный Аппакмурза [см.: 47, с. 369–370], московский доброхот-«амият» при ханском дворе, в открытую писал прижимистому Василию, что нужно проявить бóльшую щедрость и прислать в Крым «доброе своего боярина» с «добрыми поминками с прибавкою», заявляя, что «от короля черленое золото, белое серебро льется» (если верить речам литовских посланцев до польских радных панов, литовская казна тратила на «части поминки» 20 тыс. золотых в год) [24, с. 497; 53, р. 359]. Увы. Василий проигнорировал это пожелание.

В итоге, убедившись, что Василий III не оценил его щедрость, Мухаммед-Гирей изменил свой курс. Активизировав начатые еще в 1519 г. контакты с Вильно, хан осенью 1520 г. заключил соглашения с Сигизмундом. Повторив вслед за своим отцом пожалование своему литовскому «брату» многих городов и земель, в т.ч. Смоленска, Пскова, Новгорода Великого и Рязани с «люди въ головахъ, и земли, и воды, и дани, и доходы», Мухаммед-Гирей от своего имени и от имени своей семьи и крымской аристократии пообещал Сигизмунду быть «приятелю приятель», а «неприятелю – неприятель» [53, р. 384]. И если брат мой, великий король, продолжал хан, будет держать последнего хана Большой Орды Шейх-Ахмеда в заточении, «поки на него Бог смерть пришлетъ», да пришлет, по старому обычаю, поминки в 15 тыс. золотых, то он не будет мешать своим «князьям» и мурзам по просьбе своего литовского «брата» пойти на «московского» при условии выплаты «подъемных» [53, р. 384].

На перемену настроения крымского «царя» повлияли и события в ногайских степях. После распада Большой Орды Ногайская Орда представляла собой лакомый кусок ордынского наследства. Однако амбициозным ногайским биям, обладавшим немалым военным потенциалом, не хватало «дородства», чтобы играть самостоятельную роль в «Большой игре». Они пытались разрешить эту проблему в рамках устоявшейся с сер. XIV в. традиции возведения на «царский» трон марионеточных ханов, при которых реальной властью обладал «первый министр»-беклярибек. «При ком из бесчисленных Джучидов мангытский лидер соглашался стать беклярибеком, тот при поддержке мангытов и становился ханом», – отмечал В.В. Трепавлов [44, с. 30]. При этом, отмечал дальше историк, «получив однажды от покорного Чингисиды пост беклярибека-бия, мангытский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту должность». Казалось бы, для ногайской правящей элиты такой выход был вполне отвечающим ее интересам, однако было одно «но» – беклярибек должен был «числиться» при каком-нибудь «царе» [44, с. 30] (и эта традиция соблюдалась и в середине XVI в. [32, с. 45; 33, с. 287]). Это делало их политические позиции уязвимыми, и переломить эту традицию ногайские бии не могли в силу архаичности своей государственности.

Двусмысленное положение Ногайской Орды делало ее уязвимой перед лицом крымской экспансии. Уже летом 1507 г. Менгли-Гирей предпринял первую попытку надавить на них, отправив в поход Мухаммед-Гирея. Стоит заметить, что в переписке между Менгли-Гиреем и Сигизмундом I целью этого похода был объявлен «московский» [53, р. 58, 59], однако, исходя из развития событий, предположим, что крымский «царь» изначально посылал калгу на ногаев, а Москва как цель похода была названа для отвода глаз. В 1509 г. Мухаммед-Гирей совершил второй поход на ногаев. Он оказался успешнее предыдущего и сопровождалась захватом большой добычи, чем Менгли-Гирей похвалился перед Василием III [24, с. 70–71, 80].

Удачным был и третий поход Мухаммед-Гирея в 1510 г. – Менгли-Гирей воспользовался усобицей между сыновьями покойного бия Мусы Алчагиром и Шейх-Мухаммедом [24, с. 520; 58, с. 365]. В ходе этой «замятни», как отмечал В.В. Трепавлов, произошло формальное восстановление Большой Орды – Шейх-Мухаммед заручился поддержкой выпущенного Сигизмундом I брата Шейх-Ахмеда Хаджике и получил вожделенное бийство [44, с. 43]. Разбитый Алчагир бежал в Крым искать поддержки у Мухаммед-Гирея I. Шейх-Мухаммед решил переиграть своего брата и прислал к хану свое посольство. Послы заявили крымскому «царю», что их господин признает хана своим сюзереном и готов пред-

принять совместный поход на своего врага астраханского хана Джанибека и заключить брак своей сестры с сыном Мухаммед-Гирея Алп-Гиреем [24, с. 291, 297, 311]. Старый план Менгли-Гирея как будто сработал – ногаи признали крымского «царя» своим господином, так что у составителя «Острожского летописца» были основания записать под 1516 г., что «того же року царь Перекопский нагайских татар под себе подбил» [43, с. 208]. Вторжение же в ногайские степи казахского хана Касима в 1519 г. привело к тому, что, по словам В.В. Трепавлова, «большая часть ногаев успела воспользоваться приглашением Мухаммед-Гирея I и уйти на Крымскую сторону Волги» от воинов Касима [44, с. 48].

В результате Мухаммед-Гирея возникло желание «дожать» несговорчивого московского «брата», бросив на чашу весов *ultima ratio regum*. И летом 1521 г. грянул «крымский смерч» [10, с. 240]. Хотя в Москве и готовились к отражению вторжения, серия ошибок, допущенных и самим Василием III, и его воеводами, привели к тому, что, переправившись через Оку и разгромив под Коломной государственные полки, татары две недели беспрепятственно опустошали окрестности русской столицы, а затем продолжили грабежи и убийства под Рязанью. Великий князь не решился противостоять «царю» и бежал из своей столицы на северо-запад, оставшиеся на «царство» в Москве крещеный татарский «царевич» Петр Ибрагимович и бояре со страху подмахнули грамоту, по которой великий князь обязывался стать «вечным данником царя (крымского хана – **В.П.**, **Т.П.**), какими были его отец и предки» [6, с. 417].

Поход на Москву 1521 г. стал вершиной внешнеполитических успехов Мухаммед-Гирея, но не новой страницей в русско-крымских отношениях. Анализ событий накануне похода, в самом 1521 г. и после показывает, что московский поход хана не выходил за рамки прежнего политического курса в отношении что с Москвой, что с Вильно, когда военные успехи становились веским доводом в переговорах с «партнерами». Да и сам Мухаммед-Гирей отнюдь не стремился к чрезмерному ослаблению Москвы (иначе ему стало бы трудно вести дела с Вильно), и, ограничившись внушением Василию III, обратился к реализации имперского замысла. Тем самым он допустил роковую ошибку. Не разрешив до конца вопрос московский, в погоне за имперским миражом крымский «царь» потерпел полное фиаско, попытавшись разрешить вопрос астраханский.

Поначалу ничто не предвещало трагедии. Весной 1523 г. хан захватил Астрахань, изгнав оттуда астраханского «царя» Хуссейна, однако вскоре был убит ногаями вместе со своим сыном Бахадыр-Гиреем. После этого ногаи разгромили крымское войско и совершили поход на Крым, подвергнув его опустошению, сполна расплатившись за прежние притеснения со стороны Гиреев.

Учиненный ногаями погром вверх Крымское ханство в глубочайший кризис. Хотя Мухаммед-Гирей как политик и правитель уступал своему отцу, но на нем лежал отсвет посмертной славы Менгли-Гирея, и ему удавалось гасить противоречия внутри правящей элиты Крымского ханства. Но с его смертью другой такой масштабной политической фигуры в Крыму не нашлось, и это вылилось во многолетнюю «заворошню». Открывшееся для Бахчисарая в 1502 г. окно возможностей захлопнулось.

На время Крым перестал быть участником «Большой игры» в Восточной Европе, превратившись в объект манипуляций со стороны Москвы, Вильно и Стамбула (для него ослабление Гиреев было весьма кстати – и Менгли-Гирей, и Мухаммед-Гирей вели слишком независимо для вассалов Порты). Это и неудивительно, ибо сражавшиеся за власть Саадет-Гирей и его племянник Ислам-Гирей (и стоявшие за ними «партии») отнюдь не стеснялись в средствах. И если Саадет-

Гирей еще и придерживался более или менее устойчивой политической линии, ориентируясь преимущественно на Москву, то Ислам-Гирей ради обладания царским «венцом» был готов подружиться хоть с дьяволом. В этих условиях вынятный внешнеполитический курс Крымского ханства отсутствовал.

Тем временем Василий III, замирившись с Литвой и удержав за собой Смоленск, переключился на Казань. Сама по себе она не имела шансов долго противостоять русскому давлению, но крымская поддержка придавала ей уверенности в успехе этого предприятия. Поэтому Сахиб-Гирей в 1523 г. прервал переговоры с Москвой и «многа зла христианству наведе, а кровь пролиа яко воду, и посланника великого князя убил Василья Юрьева сына Поджегина» [20, с. 402]. Но с началом усобицы в Крыму ожидать помощи с его стороны стало нереально. Саадет-Гирей просил московского великого князя помириться с Казанью, обещая, что казанский «царь» по его слову не будет нападать на московские земли, однако Василий и его бояре, трезво оценивая ситуацию, оставили предложение Саадет-Гирея без внимания и пустили в ход *ultima ratio regum*. В конце лета 1523 г. Василий III со своими братьями и большой ратью выступил на Казань. Чтобы эта демонстрация произвела нужный эффект, великий князь дополнительно отправил в набег на казанские земли вассальных касимовских татар во главе с «царем» Шах-Али и «лехкую» рать под началом воевод князя В.В. Шуйского и боярина М.Ю. Захарьина, повелев еще воздвигнуть на правом, «казанском» берегу Волги на месте впадения в нее реки Суры «город Суреск» [34, с. 14; 38, с. 187–188; 43, с. 162].

Эта демонстрация имела успех, и когда в следующем году для закрепления успеха Василий III снова двинул свои рати на Казань, Сахиб-Гирей, не сумев заручиться помощью со стороны Крыма и Стамбула, бежал, оставив город на своего племянника Сафа-Гирея, прорвавшегося в Казань. Из-за несогласованности действий русских воевод взять Казань не удалось, и в итоге было заключено перемирие, зафиксировавшее неустойчивое *status quo*. Переговоры о заключении более или менее долговечного мира ни к чему не привели, ибо и Василий III, и стоявшие за спиной юного Сафа-Гирея «окааннии князи Казанские» имели противоположные взгляды на характер русско-казанских отношений. Однако Москва могла позволить себе ждать – в Крыму продолжалась «замятня» и, значит, Казань оставалась один на один с Русским государством. В итоге Москве удалось «дожать» Казань – осознание того факта, что, несмотря на отдельные успехи, у последней нет реальных шансов добиться победы, вынудило казанскую элиту пойти в 1532 г. на дворцовый переворот. В Казань был приглашен касимовский «царевич» Джан-Али и московский протекторат над Казанью в «мягкой» форме был восстановлен.

Решив казанский вопрос, Василий III вернулся к литовской проблеме. По мнению М.М. Крома, вынашиваемые великим князем с конца 20-х гг. агрессивные планы по отношению к Литве с 1532 г. вступили в завершающую стадию [16, с. 14–15]. Положение Вильно осложнилось в связи с политической неопределенностью в Крыму и невозможность предугадать, куда повернет своих коней крымский «царь». К тому же и возможность и далее оказывать давление на Бахчисарай угрозой со стороны Шейх-Ахмеда становилась призрачной – как отмечал И.В. Зайцев, «держат хана в заточении при полном его военном бездействии было довольно бесполезно, ибо многолетние угрозы Крыму со временем утрачивали убедительность (угрозы требуют подтверждения, иначе они остаются пустыми)» [9, с. 110]. А тут еще проект подчинения власти Сигизмунда I Ливонской «конфедерации», план которого выдвинул бывший тевтонский магистр, а ныне

пруссский герцог Альбрехт Гогенцоллерн. В общем, Вильно находилось на перепутье – какой внешнеполитический курс выбрать.

Говоря о взаимоотношениях между Москвой, Вильно и Бахчисараем после 1523 г., нельзя не упомянуть и о позиции Стамбула. Османь хотя и не были явными участниками «Большой игры» в Восточной Европе, однако не оставляли ее своим вниманием, опасаясь, как бы политические перемены здесь не сказались бы на их позициях на Балканах, в Восточном Средиземноморье и на Кавказе. Попытка Сахиб-Гирея в 1524 г. обрести османскую «крышу» долгое время рассматривалась как точка невозврата в русско-османских отношениях. Однако, отмечал И.В. Зайцев, сейчас эта оценка последствий этого шага Сахиб-Гирея критикуется и реальная роль османов в событиях в Восточной Европе в эти годы оценивается более умеренно [9, с. 121–122]. По мнению исследователя, «инициатива» Сахиб-Гирея была продиктована из Бахчисарая как способ удержать Москву от вмешательства в казанские дела [9, с. 125], и с такой оценкой можно согласиться. Само время «челобитья» к султану было выбрано неслучайно – после событий 1523 г. Крым не мог оказывать Казани поддержку, но и выпускать ее из своей сферы влияния не хотел. Обращение к султану позволяло выиграть время, необходимое для консолидации сил нового раунда борьбы. Турция же пока продолжала политику дистанцирования от событий в Восточной Европе, перекладывая ответственность за происходящее на плечи своих крымских вассалов – с той поправкой, что внутривосточный кризис в Крыму во 2-й пол. 20-х – 30-х гг. XVI в. были использованы в Стамбуле для усиления здесь своих позиций.

Подводя итоги «Большой игры» в Восточной Европе в 1-й трети XVI в., можно сказать, что первая попытка Крымского «царства» взять имперский груз оказалась для него неподъемной даже в благоприятной политической обстановке. Москва и Вильно были заняты борьбой друг с другом, а османская Турция, втянувшись в борьбу в Средиземноморье и на Балканах с христианами, а на Среднем Востоке и в Закавказье с персами-шиитами, ослабила контроль за действиями своего вассала. В этих условиях Бахчисарай сумел, казалось, практически добиться своей цели. Подчинив своей власти ногаев, нанеся поражение Василию III, посадив на казанский «стол» своего брата Сахиб-Гирея, заручившись союзом с Литвой и установив контроль над Астраханью, Мухаммед-Гирей I достиг пика крымского могущества. Но момент имперского величия оказался краток. После убийства ногаями «царя» и учиненного ими погрома в Крыму окно возможностей для крымских Гиреев, широко открывшееся после падения Большой Орды, захлопнулось. С началом ожесточенной междуусобицы Крым на время утратил большую часть своей политической субъектности и перестал быть игроком первой линии. Пока крымские аристократические кланы боролись за власть, соседи ханства наращивали свою мощь и влияние в регионе, готовясь вступить в новый раунд «Большой игры» с более выгодных для них позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов Р.А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Симферополь-Тюмень: Институт истории и политических наук Тюменского государственного университета, 2014. С. 215–234.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип.-я Имп. Акад. Наук, 1863. 558 с.

3. Виноградов А.В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2. С. 58–79.
4. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70- годов XVI в. Т. II. М., ИРИ РАН, 2007. 341 с.
5. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 774 с.
7. Думин С.В. Татарские царевицы в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР/ Материалы и исследования. 1987 год. М.: Наука, 1989. С. 107–113.
8. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006. 301 с.
9. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя, начало XV – первая половина XVI вв.: очерки. М.: Рудомино, 2004. 215 с.
10. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 452 с.
11. Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М.: Алгоритм, 1997. 508 с.
12. Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2002. 558 с.
13. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа. Т. I (с 1545 по 1572 год). СПб.: Тип.-я Московского университета, 1845. 502 с.
14. Крадин Н.Н. Империя хунну. М.: Логос, 2022. 312 с.
15. Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 416 с.
16. Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М.: Рубежи XXI, 2008. 139 с.
17. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII в.в., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
18. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
19. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 146 с.
20. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XX. М.: Языки славянских культур, 2005. 704 с.
21. Милюков П.Н. Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М.: Университетская тип.-я, 1901. 322 с.
22. Острожский летописец // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 206–220.
23. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. I. (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1884. 633 с.
24. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 95. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 788 с.
25. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. (годы с 1487 по 1533) // Сборник Императорского

Русского исторического общества. Т. 35. СПб.: Тип.-я Ф.К. Елеонского и К^о, 1882. 870 с.

26. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М.: Вече, 2016. 320 с.
27. Пенской В.В. «Мы хотимъ тажеж вашему неприятелю московскому неприязнь вчинити ...»: казанский хан Мухаммед-Эмин и попытка создания антимосковской коалиции во 1506–1507 гг. // История в подробностях. 2015, № 9 (63), с. 26–37.
28. Пенской В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 152–158.
29. Послание крымского хана Мухаммед-Гирея I османскому падишаху Сулейману Великолепному // Восточная Европы Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей. Сборник статей. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 54–56.
30. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: ИД Марджани, 2016. 400 с.
31. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
32. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
33. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала. Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
34. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. С. 8–30.
35. Почекаев Р.Ю. Дары или дань? К вопросу о «золотоордынском наследии» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 200–203.
36. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
37. Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 614 с.
38. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. М. Институт истории АН СССР, 1977. 188 с.
39. Слово о погибели Русской земли // Воинские повести Древней Руси. Л.: Лен-издат, 1985. 495 с. С. 116–117.
40. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М.: АН СССР, 1948. С. 18–66.
41. Список со статейного списка подъячего Василия Айтемирава, посланного в Крым с предложением мирных договоров // Записки императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XVIII. Одесса, 1895. II. С. 1–80.
42. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московии ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
43. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 382 с.
44. Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVI веков. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
45. Фаизов С. Поминки – «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. 3. С. 49–55.
46. Флоря Б.Н. Две грамоты хана Сахиб-Гирея // Славяне и их соседи. Вып. № 10. М.: Наука, 2001. С. 236–240.
47. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М.: Изд.-во АН СССР, 1961. С. 366–375.

48. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 336 с.
49. Chaunu P. La Civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 708 p.
50. Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48–71.
51. Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society. 1978. Vol. 5. 2. P. 191–217.
52. Lietuvos Metrika (1427–1506) Kn. № 5. Vilnius: Mokclo ir enciklopediju leidykla, 1993. 402 p.
53. Lietuvos Metrika (1506–1539) Kn. № 7. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p.
54. Mackenney R. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London: Palgrave Macmillan, 2002. 425 p.
55. Parker G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.
56. Parker G. The "Military Revolution," 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (Jun., 1976), pp. 195–214.
57. Plewczyński M. Wojny I wojskowość polska w XVI wieku. T. I. Lata 1500–1548. Zabrze: Infort editions, 2011. 459 s.
58. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskic (1469–1515). Akta i listy. Kraków-Warszawa: G. Gebether i spółka. 1881. 449 s.
59. Roberts, Michael. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts, Michael. Essays in Swedish History. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967. P. 195–225.

REFERENCES

1. Bepalov R.A. Documents on the relations of the Crimea with Moscow regarding the Odoevsky yasak. *Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea*. Iss. 6. Simferopol-Tyumen: University of Tyumen, 2014, pp. 215–234 (In Russian)
2. Velyaminov-Zernov V.V. Research on the Kasimov tsars and princes. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1863. 558 p. (in Russian)
3. Vinogradov A.V. Crimean Khans in the 16th century. *National history*. 1999, No 2, pp. 58–79 (In Russian)
4. Vinogradov A.V. Russian-Crimean relations in the 1550s and the second half of the 1570s. Vol. 2. Moscow; The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2007. 341 p. (In Russian)
5. Vologda-Perm chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 26. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2006. 432 p. (In Russian)
6. Gerberstein S. Notes on Muscovy. Vol. 1. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. 774 p. (In Russian)
7. Dumin S.V. Tatar princes in the Grand Duchy of Lithuania (15th – 16th centuries). *The most ancient states on the territory of the USSR. Materials and research*. 1987. Moscow: Nauka, 1989, pp. 107–113 (In Russian)
8. Zaycev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Oriental Literature, 2006. 301 p. (In Russian)
9. Zaycev I.V. Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire, the beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries: articles. Moscow: Rudomino, 2004. 215 p. (In Russian)
10. Zimin A.A. Russia on the edge of Modern Times (Articles on the political history of Russia in the first third of the 16th century). Moscow: Mysl, 1972. 452 p. (In Russian)
11. Ilovayskiy D.I. Ryazan principality. Moscow: Algoritm, 1997. 508 p. (In Russian)

12. Klausevitz C. von. About war. Vol. 1. Moscow: AST Publishing House, St. Petersburg: Terra Fantastika, 2002. 558 p. (In Russian)
13. The embassy metrics book of the Grand Duchy of Lithuania, containing the diplomatic relations of Lithuania during the reign of King Sigismund II Augustus. Vol. 1 (1545 to 1572). St. Petersburg: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1845. 502 p. (In Russian)
14. Kradin N.N. Xiongnu Empire. Moscow: Logos, 2022. 312 p. (In Russian)
15. Kradin N.N. Nomads and World history. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2020. 416 p. (In Russian)
16. Krom M.M. Muscovite-Lithuanian War (1534–1537). From the history of Russian-Lithuanian relations. Moscow: Rubezhi XXI vek, 2008. 139 p. (In Russian)
17. Lashkov F.F. Monuments of diplomatic relations between the Crimean Khanate and the Muscovite state in the 16th and 17th centuries, stored in the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs. *Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission*. Iss. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47 (In Russian)
18. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 13. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
19. Litvin M. On the morals of the Tatars, Lithuanians and Muscovites. Moscow: Moscow State University Press, 1994. 146 p. (In Russian)
20. Lvov chronicle. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 20. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. 704 p. (In Russian)
21. Milyukov P.N. The oldest Ranks book of the official edition (up to 1565). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1901. 322 p. (In Russian)
22. Tihomirov M.N. Ostroh chronicles. *Russian chronicle*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 206–220 (In Russian)
23. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state, the Crimean and Nagai hordes and Turkey. Vol. 1. (1474 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia). *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 41. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1884. 633 p. (In Russian)
24. Monuments of diplomatic relations between the Moscow state, Crimea, Nogai and Turkey. Vol. 2. 1508–1521. *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 95. St. Petersburg: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1895. 788 p. (In Russian)
25. Monuments of diplomatic relations between the Muscovite state and the Polish-Lithuanian state. Part 1. (1487 to 1533). *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 35. St. Petersburg: Tipografiya F.K. Eleonskogo i Ko, 1882. 870 p. (In Russian)
26. Penskoj V.V. Ivan the Terrible and Devlet Giray. Moscow: Veche, 2016. 320 p. (In Russian)
27. Penskoj V.V. “We too want to harm your moscow enemy...”: Khan of Kazan Mohammed-Emin and an attempt to create an anti-Moscow coalition in 1506–1507. *History in detail*. 2015, no. 9 (63), pp. 26–37 (In Russian)
28. Penskoj V.V. A revolution in the Warfare of Western Europe at the end of the 15th–17th centuries in the latest English-language historiography. *Modern and Newest history*. 2012, no. 3, pp. 152–158 (In Russian)
29. The message of the Crimean Khan Mohammed-Girey I to the Ottoman padishah Suleiman the Magnificent. *Eastern Europe of the Middle Ages and early modern times as seen by French researchers. Digest of articles*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 54–56 (In Russian)
30. The embassy book on relations between the Moscow state and the Crimea. 1571–1577. Moscow: Izdatelskiy dom Mardzhani, 2016. 400 p. (In Russian)
31. The embassy book on relations between the Moscow state and the Crimea. 1567–1572. Moscow: Russia Knights, 2016. 400 p. (In Russian)

32. The embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde (1551–1561). Kazan: Tatar Book Publishing House, 2006. 391 p. (In Russian)
33. The embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde (1489–1549). Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. 360 p. (In Russian)
34. Postnikov chronicler. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 34. Moscow: Nauka, 1978, pp. 8–30 (In Russian)
35. Pochekaev R.Yu. Gifts or tribute? To the question of the "Golden Horde heritage" in the relations between the Muscovite state and the Turko-Tatar khanates. *Medieval Turko-Tatar states: Coll. articles*. Iss. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2012, pp. 200–203 (In Russian)
36. Continuation of the chronicle according to the Voskresensky list. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 8. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2001. 312 p. (In Russian)
37. The Book of Ranks 1475–1598. Moscow: Nauka, 1966. 614 p. (In Russian)
38. The Book of Ranks 1475–1605. Vol. 1. Iss. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1977. 188 p. (In Russian)
39. Tale of the Destruction of the Rus' Land. *Military stories of Ancient Rus'*. Leningrad: Lenizdat, 1985, 495 p., pp. 116–117. (In Russian)
40. Smirnov I.I. The Eastern policy of Vasily III. *Historical Notes*. Vol. 27. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1948, pp. 18–66. (In Russian)
41. List from the article list of the clerk Vasily Aitemirev, sent to the Crimea with a proposal of peace treaties. *Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*. Vol. 18. Odessa, 1895, pp. 1–80. (In Russian)
42. Syroechkovskiy V.E. Muhammed-Geraj and his vassals. *Scientific notes of Muscovy of the Order of Lenin State University. M.V. Lomonosov*. Iss. 61. History. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71 (In Russian)
43. Tihomirov M.N. Russian chronicle. Moscow: Nauka, 1979. 382 p. (In Russian).
44. Trepavlov V.V. "Horde "self-willed". The Nogai nomadic empire of the 15th–16th centuries. Moscow: Kvadriga, 2013. 224 p. (In Russian)
45. Faizov S. Wake – "tysh" in the context of relations between Rus'-Russia, the Golden Horde and the Crimean yurt (On the question of the typology of connections). *Otechestvennyye archives*, 1994, pp. 49–55 (In Russian)
46. Florya B.N. Two letters of Khan Sahib Giray. *Slavs and their neighbors*. Iss. 10. Moscow: Nauka, 2001, pp. 236–240 (In Russian)
47. Shmidt S.O. To the characterization of Russian-Crimean relations in the second quarter of the 16th century. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1961, pp. 366–375 (In Russian)
48. Horoshkevich A.L. Rus and Crimea: from alliance to confrontation. Late 15th – early 16th centuries. Moscow: Editorial URSS, 2001. 336 p. (In Russian)
49. Chaunu P. La Civilization de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 1966. 708 p. (In French)
50. Elliott, J. H. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe, 1992, pp. 48–71.
51. Koenigsberger H. G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominion Regale or Dominion Politicum et Regale in Theory and Society. Vol. 5. 2., 1978, pp. 191–217.
52. Lietuvos Metrika (1427–1506) Kn. No. 5. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. 402 p. (In Lithuanian)
53. Lietuvos Metrika (1506–1539) Kn. No. 7. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011. 1012 p. (In Lithuanian)
54. Mackenney R. Sixteenth Century Europe. expansion and conflict. London: Palgrave Macmillan, 2002. 425 p.

55. Parker G. *The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.

56. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a Myth? in *The Journal of Modern History*. Vol. 48. No. 2, 1976, pp. 195–214.

57. Plewczyński M. *Wojny i wojskowość polska w XVI wieku*. Vol. I. Lata 1500–1548. Zabrze: Infort editions, 2011. 459 p. (In Polish)

58. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskic (1469–1515)*. Akta i list. Kraków-Warszawa: G. Gebether i spółka, 1881. 449 p. (In Polish)

59. Roberts, Michael. *The Military Revolution, 1560–1660* in Roberts, Michael. *Essays in Swedish History*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967, pp. 195–225.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Викторович Пенской – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4092-8992. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6548-0226. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly V. Penskoj – Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4092-8992. E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya – Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6548-0226. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию / Received 20.02.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.05.2024

Принята к публикации / Accepted 04.06.2024